

8. Ernst Ch. Kunst und Politik. Режим доступа: <http://www.blutiger-ernst.com/galerie.html> (дата обращения: 29.06.2021).

9. Höge H. Der Kairo-Virus – Chronik seiner Ausbreitung/Eindämmung (58) // TAZ-Blogs. Режим доступа: https://blogs.taz.de/hausmeisterblog/2011/04/23/der_kairo-virus_chronik_seiner_ausbreitungeindaemung_58/ (дата обращения: 29.06.2021).

10. Was heißt das Wort „betanten“? // Gute Frage. Режим доступа: <https://www.gutefrage.net/frage/was-heisst-das-wort-betanten> (дата обращения: 29.06.2021).

11. Yumpu // Neue Post. No 41. Heft 30. Режим доступа: <https://www.yumpu.com/news/de/ausgabe/3369-neue-post-ausgabe-282020/lesen?page=40> (дата обращения: 29.06.2021).

Е.В. Кобылкина

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

**Русский язык – английский язык:
политика единого языка в российском образовании**

Статья посвящена прочно закрепившейся в российском образовании политике «английского единого языка», а также современному состоянию языковой политики в контексте парадигмы русский язык – английский язык. В статье рассмотрены проблемы языкового регулирования и предложена модель лингвообразования, обусловленная социолингвистическими факторами и актуальными глобализационными процессами.

Ключевые слова: языковая политика; языки прести; многоязычие; лингвообразование; языковое планирование

Термин «единого языка» появился в лингвистике сравнительно недавно и связан, прежде всего, с «языковой глобализацией» – процессом активного взаимопроникновения и взаимообимствования языков при условии выделения одного из них в качестве мировой доминанты» [5, с. 269]. В данном контексте очевидно определять в позиции последнего – английский язык. В отличие от термина единого языка (монолингвизм, моноглоттизм или унилингвизм) – лакирование способности говорить на одном языке, единого языка как социолингвистический фактор отражает, прежде всего, современные тенденции языковой политики в области образования.

Говоря о лингвистическом образовании, российские исследователи (Л.И. Лурье, И.И. Халеева, Н.С. Сахарова и др.) определяют его как «процесс и результат приобретения комплекса компетенций, позволяющих

осуществлять равноправную межкультурную коммуникацию на иностранном языке в различных сферах», конечной целью которой является условно успешная «модель носителя языка» [4, с.4]. Между тем, в контексте мировых глобализационных процессов, лингвистическое образование, на наш взгляд, давно пора рассматривать, в первую очередь, с позиции изучения государственного (русского) языка в корреляции с изучением национальных (унаследованных языков) и других иностранных языков. Если в отношении национальных языков (как мажоритарных, так и миноритарных) мы можем говорить о некоем, пусть и противоречивом стремлении к сохранению многоязычия, то в освоении иностранных языков государство давно определило стабильную политику единогоязычия – изучение практически единственного возможного иностранного (английского) языка. Малочисленные «изучающие» французский и немецкий языки обречены после окончания школы на «переучивание» и осваивание английского языка в вузах и учебных заведениях среднего профессионального образования, что видится нам абсолютно нелогичным. Кроме того, спорным на сегодняшний день является и статус самого английского языка в позиции иностранного. Фактически, английский является «безальтернативным вариантом, который человек не выбирает, а выучивает вынужденно, что ставит его в один ряд с родным языком, тем самым исключая его из позиции иностранного» [3, с. 3].

Стоит отметить и многочисленные беспорядочные заимствования из американско-британского английского языка, которые уже не объясняются отсутствием аналогов в русском языке, связанных с технологизацией, более того, не используются и в самом языке-оригинале. Несомненно, вполне понятна позиция исследователей, считающих, что заимствования – это закономерный процесс, и язык сам постепенно очищается от ненужных ему слов. «Безусловная вражда к заимствованным словам не имеет разумного основания», это «процесс естественный и неизбежный», – писал академик Я.К. Грот [2, с. 75]. После языкового регресса, очевидно, наступает прогресс. Но в условиях языковой политики единогоязычия такой исход ставится под сомнение, так как большая часть заимствований, скорее является уже показателем глубинных этносемантических процессов, когда на уровне культурного кода происходит смешение двух языковых картин мира, приводящих к проблемам в национальной самоидентификации.

Согласно исследованиям Б.С. Гершунского лингвистическое образование – это «ценность, которую можно выразить в следующих аспектах:

- лингвообразование как ценность для личности
- лингвообразование как ценность для общества

– лингвообразование как ценность государства» [1, с. 34].

Понимание языкового образования как ценности предполагает поиск модели, в которой гармонично сочетаются указанные аксиологические аспекты, но прежде всего, это стабильная, логически обусловленная политика многоязычия, в которой роль языка определяется его статусом для каждой, отдельно взятой личности, а также его положением в обществе и государстве. Построение данной модели, на наш взгляд, необходимо начинать с позиции престижа государственного (русского) языка, а не с позиции престижа освоения международного языка общения, то есть английского. Таким образом, модель многоязычия языковой политики в образовании можно представить следующим образом (ранжирование в порядке значимости!):

– престиж изучения русского языка – государственного языка Российской Федерации (стремление к постоянному повышению уровня владения языком). Фраза «знать в совершенстве», на наш взгляд, не актуальна как по отношению к родному языку, так и не приемлема при изучении иностранных языков;

– регионально обусловленное изучение национальных языков (Якутия, Татарстан, Бурятия и др.);

– возможность выбора иностранных языков (в том числе, локальная необходимость изучения конкретных языков. Например, опрос жителей Калининградской области в октябре 2021 года показал готовность осваивать немецкий и польский язык. Подобные возможности реально предположить и для других регионов: Дальний Восток – китайский, японский, монгольский; Север Западной части России – группа скандинавских языков и т.д.);

– и, наконец, изучение английского языка как языка международного общения в условиях глобализации экономики (в данном контексте требуется осознание приоритета формального стиля общения и полный пересмотр педагогической модели преподавания).

Начиная с 2017 года и до настоящего времени, в российском образовании предпринимались попытки ввести для обязательного изучения (опять же без опции выбора) второй иностранный язык, что закрепится в новом ФГОС с 1 сентября 2022 года. В соответствии со стандартом – изучение второго иностранного языка будет определяться школой с учётом мнения родителей, но данное нововведение не объясняет преференцию английского языка по отношению к другим иностранным языкам. Более того, сложно прогнозировать, как школы будут лавировать в данной ситуации без привлечения дополнительных ресурсов со стороны государства (уже сейчас дефицит преподавателей немецкого и французского

языков невозможно восполнить). Также открытым остаётся вопрос повышения уровня престижа русского языка. Обязательный ЕГЭ по английскому языку не вошёл в новый ФГОС, благодаря решительному сопротивлению родителей учащихся, с одной стороны, не довольных качеством преподавания иностранного языка в разных регионах, с другой стороны, – антигуманным принуждением к освоению только одного конкретного языка.

Между тем, в других странах кардинальные изменения в области языковой политики стремятся к установлению многоязычия именно на государственном уровне. Так, по данным научно-исследовательской группы Mare (Университет Гамбурга, 2017–2021 гг.), в школах Германии, помимо немецкого и английского, изучают такие языки, как французский, итальянский, испанский, турецкий, русский, латинский, древнегреческий и другие. Федеральными землями и консульствами организуются курсы по изучению унаследованных языков; в общей сложности 378 курсов в 84 школах на 13 языках. Несомненно, региональные особенности и миграционные процессы как один из аспектов всемирной глобализации влияют на вышесказанные данные, но применительно к российской действительности мы также можем говорить о постоянном притоке мигрантов из бывших союзных республик, где престиж русского языка стремительно сокращался со времён распада СССР. Более того, данный аспект не обесценивает политику многоязычия как таковую.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что языковое образование в условиях глобализации не может регулироваться прежними рамками и следовать по пути «инерции и инертности». Политика единого языка не соответствует потребностям современного человека и противоречит главным целям лингвообразования, обозначенных как «диалог культур» (культура толерантности) и «человек диалогический». «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается» [6, с. 32].

Глобальные тенденции и изменения в лингвообразовании убедительно доказывают неспособность языковой системы к саморегуляции и подчёркивают необходимость системных действий со стороны государства в анализе реальной ситуации, прогнозировании, обосновании и планомерной реализации языковой политики многоязычия.

Литература

1. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. Рос. акад. образования, Ин-т теории образования и педагогики. М.: Совершенство, 1998. 607 с.
2. Грот Я.К. Русское правописание. 7-е изд. СПб., 1888. 120 с.

3. Кобенко Ю. В. Английский в российском образовании: язык науки или социальной вертикали? // Современные проблемы науки и образования. 2014. Вып. 5. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14821> (дата обращения: 18.10.2021).

4. Сахарова Н.С., Томин В.В. Кросскультурное взаимодействие студентов: прикладные и процедурные особенности полидисциплинарного феномена // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 2. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/31pdmn219.html> (дата обращения: 19.10.2021).

5. Хроленко А.Т. Основы современной филологии. М.: Флинта. 2013. 344 с.

6. Щукин В.Г. О диалоге и его альтернативах. Вариации на тему М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2006. № 7. С.32–34.

7. Graddol D. Global English. BBC. (Learning/Society/Education and Language). Режим доступа: <http://www.open2.net> (дата обращения: 19.10.2021).

Науч. рук.: Кобенко Ю.В., д-р филол. н., проф.

А.В. Коньшева

Белорусский государственный экономический университет

Лингвокультурологические особенности отражения концепта «Дом» в английских и белорусских пословицах

В данной статье сравниваются пословицы английского и белорусского языков. Пословицы отражают совокупность мнений, выработанных народом как лингвокультурной общностью. Их целью является передача определенных фактов действительности, которые имели большое значение для определенной национальности. Они отражают житейскую мудрость, обычаи и традиции, верования и даже суеверия.

Ключевые слова: пословицы; восприятие; народное творчество; понимание; фольклор.

Проблема языковой картины мира (ЯКМ) является достаточно современной, поэтому ее исследованием занимаются многие ученые из области языкознания и лингвистики, так как эта проблема тесно связана с формой языкового выражения знания о мире. Однако стоит помнить, что ЯКМ не является точным отражением действительности, а носит форму ее интерпретации. Также, можно отметить, что ЯКМ не совпадают на разных языках, потому что мышление при выражении интерпретации разное у разных народов. Поэтому, в целом, можно сказать, что ЯКМ – это то,